

Андрей Пильский

Встреча с Большой Советской спелеологией летом 1979 года... Воспоминания спустя 40 лет.

В середине января 1979 года в СССР прошла перепись населения. Всех жителей разных национальностей оказалось 262,5 млн. человек. Русских – 163,6 млн. человек. А в конце года, в декабре в Афганистан вошли советские войска. Война в Афганистане длилась 9 лет, 1 месяц, 19 дней...

Между этими двумя важными для СССР событиями, летом того же года прошла экспедиция в, уже давно освоенную «дикими» московскими спелеологами под руководством Саши Морозова, пещеру Снежная. К тому времени их группа уже преодолела ключевое препятствие на пути к ее нынешнему дну — 5-ый завал над её рекой. Тогда ими была достигнута глубина в 1 километр.

Моё участие в [экспедиции Даниэля Усикова летом 1979 года](#) в пещеру Снежная стало абсолютно случайным. Вообще-то в то лето я просто хотел съездить в геологическую экспедицию. В любую. С целью смены направления своих занятий. Рисовать надоело и надо было отвлечься на что-то противоположное занятиям искусством. Мне был 21 год, и я был готов на самую радикальную смену личных стимулов.

Пришлось обратиться за содействием к нескольким своим знакомым из экспедиционной среды и один из них, Дима Тетерин, тогда ещё студент МГРИ, порекомендовал мне хорошего, по его мнению, начальника. Я встретился с ним и выяснил, что эта работа мне не подходит по срокам, поскольку ему-то требовался боец до конца января, а я был не готов уезжать из Москвы на столь большой срок. Тогда он, уже узнавший, что я, как и Дима, увлекаюсь спелеотуризмом, сразу же порекомендовал мне обратиться к [Николаю Мишину](#), его приятелю из ИГ АН СССР, так как этот Николай скоро поедет на Кавказ начальником карстово-спелеологического отряда и сейчас как раз ищет себе нормального парня на должность рабочего. Работа отряда планируется в том числе и в пещерах.

Я сразу же позвонил этому Николаю, и договорился о встрече на следующий день.

Встретился с ним и легко договорился о своём участии. Вот так, просто и непринужденно. Без каких-либо проблем, я стал рабочим в той экспедиции и попал, практически не имея серьёзного спелеологического опыта, в качестве действующего лица в мероприятие Большой советской спелеологии. Хотя тогда ведь я еще не знал, что она «Большая». Николай конечно же рассказал мне что-то о спелеологических задачах своего отряда, но как-то очень вскользь. Я понял так, что он и сам не очень-то знал и понимал кто и что планирует делать в Снежной под его чисто формальным руководством.

Мне он нашу задачу сформулировал как исключительно обеспечивающую. Найти дом для базы экспедиции, забросить к пещере определенные грузы и всё в таком же духе. Не более того. То есть моё участие в спелеологической работе им точно не планировалось.

Тем более что мы выдвинулись на Кавказ уже после 17-го июня, то есть когда Данила и Татьяна уже начали работать под землёй.

Прибыли в Гудауту и сразу поехали в Дурипш. Николай быстро договорился с дирекцией местного чайного совхоза о месте для экспедиционной базе. Они предложили

нам крайний дом на дороге из Дурипша к Снежной, хозяином которого был местный учитель Мкан Иосифович Хагба. Он был очень спокойным и нетребовательным человеком, уже пенсионером. Всю свою жизнь он проработал учителем в местной школе. Вероятно, именно поэтому дом его был по абхазским меркам весьма скромный. Однако в его гараже стоял дорогой и очень дефицитный в те времена новенький автомобиль — шестая модель «Жигулей», припасенный им в качестве подарка от родителей старшему сыну на его будущую свадьбу. При этом невестки у того даже на горизонте еще не было...

На институтском грузовике приехал из Москвы наш экспедиционный скарб. Самым важным в нём предметом оказался классный радиоприемник. Еще там была экспедиционная плоская газовая двухкомфорочная плита с запасом больших стационарных баллонов с газом к ней, а также палатки, брезентовые пуховые спальные мешки, надувные матрасы и т.д., и т.п.

Николай съездил в Гудауту и заказал вертолёт для перемещения нас и всего этого движимого имущества поближе к пещере Снежная. Однако до того он всё-таки совершил безумную попытку подняться к Снежной вдоль русла реки Хипста. При этом нам было твердо известно только одно — массив с пещерой находился на орографически левом ее берегу. Но, это знание нам не помогло. Мы тогда довольно много прошли вверх по ее руслу и уткнулись в скальные прижимы, пройти которые нам тогда не удалось. Николай всё-таки догадался, что если я свалюсь и убьюсь, то его скорее всего посадят. Уже потом выяснилось, что в принципе подняться было можно, но для этого часть пути надо было пройти по правому берегу реки Хипста.

Моё желание прекратить это бесполезное и рискованное занятие совпало с Колиным, и мы вовремя решили вернуться в Дурипш. Попытка сэкономить экспедиционное финансирование не удалась и пришлось Николаю раскошелиться и всё-таки потратить казенные подотчётные деньги на вертолёт.

Вертолётчики прилетели за нами на толи стадион, толи ипподром в центре села. Этот факт значительно поднял наш авторитет у местных жителей. В их понимании те, кого возит в горы вертолет, явно заслуживали их особое отношение и уважение.

Думаю, что в те благословенные времена даже поездка в горы на, скажем, даже танке или правительственном лимузине «Чайка» такого эффекта не возымела бы...

Мы с Николаем благополучно вылетели из Дурипша. Но! Вместо пещеры Снежная вертолет доставил нас туда куда нам совсем не надо было. Вместо сувенирной поляны мы оказались на поляне в районе каррового плато, которое расположено на пути в село Псху, то есть вертолет приземлился примерно в 6 километрах от пещеры Снежной.

Пилот высадил нас там, где ему лично показалось правильным и при этом ободрил — да вот же, где-то тут неподалёку они. А неподалёку-то никого и нет... Мы конечно-же стали просить подождать встречающую делегацию и удостовериться, что мы находимся именно там куда хотели попасть. Но! Пилот нас не понял — Я вас ждать не обязан, сейчас они придут и вообще, давайте-ка побыстрее вынимайте свой багаж из моего такси и... немедленно улетел.

Думаю, что скорее всего у него были еще какие-то левые полётные планы на оплаченный Николаем авиационный бензин.

Всё-таки Коля Мишин был хорошим начальником и когда мы к концу второго дня пребывания в районе нашего десантирования поняли, что никто уже не придёт посмотреть

кого там принёс вертолёт, он засобирался идти в Гудауту один. А мне поручил охранять экспедиционное имущество, а также своё здоровье.

Надо сказать, что не знакомый путь вниз к реке нас пугал. Альтернативный ему путь наверх, через [карровое плато](#), тоже. Лагерь наш был расположен неподалёку от крутой стенки, через которую и лежал путь на плато. Об этой стенке Коля, перед своим уходом в Гудауту, предупредил меня особо, заметив, что я на нее частенько поглядываю, не смей — мне сидеть не охота, и добавил задумчиво — было бы из-за кого... Я уже почти обиделся, но он добавил — ну, ты не обижайся, я это в педагогических целях сказал. Только через много-много лет я узнал, что географическое образование он получал в педагогическом вузе (МПГУ).

Коля ушел вниз к кошам пастухов, надеясь найти там себе проводника до Дурипша. Я ждал его несколько дней, примерно 5-6. Варил кисель в тумане, слушал радио и просто изнывал от скуки. Однажды меня развлек пастух, который пришел ко мне за таблетками от зубной боли. Его надоумил Николай, о котором пастух поведал, что смелого геолога его друзья доставят в Дурипш и вообще помогут. Он же веревку им подарит потом, живо поинтересовался у меня владелец большого зуба. И я вспомнил, что по моему совету Николай захватил довольно длинную веревочку, на всякий случай, и разместил её на самом видном месте — под клапаном «абалаковского» рюкзака. Это была его большая ошибка и верёвку пришлось подарить. Что не сделаешь ради вертолёта...

Гость застал меня за приготовлением мясного блюда в сковородке из крышки экспедиционного кана и поскольку я ни разу не кулинар, то просто вываливал прибалтийскую тушенку в сковородку, в которой перед этим обжаривал лук и добавлял в качестве приправы содержимое из пакетика сухого супа. Еще я нарезал туда 2-3 зубчика чеснока. Мне это блюдо нравилось, но любимым паровым куриным котлеткам оно всё же сильно проигрывало.

Разумеется, я пригласил этого пастуха к столу, и мы поели. Гость был намного старше меня, примерно лет 50-60 и он был очень худой. Когда мы поели, он проникновенно посмотрел мне в глаза и спросил — где я такое вкусное мясо взял? И добавил — московское, да? А тушенка-то была литовского производства. Что я ему честно и сказал. Пастух даже обиделся — лучше нашего может быть только московское мясо! Сказал он, как отрезал. Я не стал показывать ему этикетку с той злосчастной банки. И навсегда усвоил тогда эту полевую истину — всё самое лучшее всегда в Москве, а вот № 2 это уже всё то, что находится в том месте где ты находишься.

Пока Николай решал вопрос с провинившимися вертолётчиками Абхазской АССР, я всё-таки решил взобраться на карровое плато. У него оказалась жуткая и красивая, прямо какая-то инопланетная поверхность — не зря карабкался.

Скоро мой краткий отпуск закончился, прилетел Николай и забрал меня вместе со всем нашим скарбом. Однако мы не сразу полетели к Снежной. Этот рейс был уже не целевой, а попутный. Поэтому сначала мы полетели забрать народ с какой-то геологической базы уже вблизи Главного Кавказского хребта (ГКХ). База эта располагалась на плоской площадке примерно 100 на 50 метров в борту очень живописного широкого ущелья. На ней располагалась буровая вышка с парочкой щитовых домиков. Нас угостили там минеральной водичкой прямо из скважины. Куда там до неё Боржому или Ессентукам...

Несколько рабочих загрузились в наш вертолёт, и мы попытались взлететь. А никак... Двигатель ревет, пыль от винта столбом. И никак...

В Сухумском авиаотряде было не принято высаживать пассажиров, и поэтому пилот-самоубийца доскакал на нашем вертолете до края обрыва и буквально свалился в него.

На какой-то краткий миг я был уверен, что рванувшиеся навстречу моему иллюминатору вершины елок проткнут вертолет насквозь. К общей радости этого всё же не случилось, и вскорости мы благополучно долетели до Сувенирной поляны.

Народу там оказалось много. В основном из КС МГУ. Был большой коллектив под водительством Коли Чеботарёва. Из экспедиции ИГАН под землёй были только Усиков и Немченко, наверху находились жена Усикова — Люда и сотрудник отдела гляциологии и заместитель Николая — Булат Мавлюдов. С Людой в лагере были еще два их сына. Весёлые и бойкие ребята среднего школьного возраста.

Палатка их лагеря располагалась на платформе у «логова». Поскольку там был пункт связи с Усиковым то Люда практически неотлучно находилась у телефона.

Мы затащили наше оборудование и припасы поближе к «логову» и как-то обустроились. Поскольку я изначально надеялся, что появится шанс куда-то слазить, то прихватил из Москвы необходимую одежду и снаряжение. Люда была весьма рада нашему появлению и сразу же препоручила мне своих сорвиголов, с участием которых мы стали осваивать очень простенькие окрестные пещерки с мини-колодцами в 2-3 метра.

В окрестностях Снежной было много МГУшников. Исключительно приятные и интеллигентные ребята. Точно помню, что там были Игорь Сибиряк, Сергей Власов и Николай Чеботарев. Всё шло своим чередом, однако довольно скоро на плато развернулись слегка ошеломительные для меня события. Да и не только для меня...

Прибыла многочисленная команда экспедиции Падалко–Ефремова. Надо сказать, что Александр Петрович (Ефремов) вел себя достаточно странно. С одной стороны, он неуклонно претворял в жизнь волю своих командиров, а таковыми тогда являлись Падалко и Илюхин. Однако одновременно с этим он пытался дать понять, что лично он не совсем одобряет то, что вынужден предпринимать. Точнее сказать, он конечно же прилично напакостил тогда спелеологам ИГАН, но делал всё это как-то без огонька. Подчеркну, что это лично моё впечатление.

Когда выяснилось, что никто, ни МГУшники, ни тем более Ефремовские бойцы, не будут помогать Усикову с Немченко на выемке снаряжения — я просто офигел.

Особенно от позиции Коли Чеботарёва, которого в моём присутствии его же товарищи побуждали наплевать на указания и угрозы от Ефремова. Но, Николай был непреклонен. Нас Илюхин вообще разгонит... Ну и всё в таком же духе. Это было тем более удивительно, что ему предлагалось «прикрыться» официальным письмом с просьбой об оказании содействия от руководства карстово-спелеологического отряда. Дело в том, что у Мишина были уже оформленные, с номерами, подписями и печатями, пустые бланки ИГАН и он мог прямо на месте оформить официальное обращение от администрации ИГАН к Клубу спелеологов МГУ. Но, Николай Чеботарёв на это не согласился. Илюхина он боялся явно больше чем Морозова–Усикова–Людковского. Мне это было очень удивительно, так как было совершенно очевидно, что общественники–спелеотуристы не смогут выиграть пещеру Снежную у Президента Академии наук СССР. Я-то наивно полагал, что Булат Мавлюдов, уже оформленный заместителем Коли Мишина и принятый на работу в ИГАН отлично знал внутреннюю подоплёку интереса ИГАН к снежному конусу пещеры Снежная. В моём понимании с учётом этих обстоятельств совершенно неодолимой силы он был просто обязан «перевербовать» МГУшников. Но! Почему-то он особо и не пытался. Ему

оказалось проще нарушить прямой приказ Коли Мишина не пускать меня в Снежную, чем спорить с Чеботарёвым.

А я тогда был очень даже рад этому. Ведь у меня появился шанс проявить себя. А кто бы отказался поучаствовать, будучи на моём месте?

И мы с Булатом двинулись вниз, за Данилой и Татьяной. Дошли до Большого колодца. Я остался наверху, а Булат ушел вниз к Даниле. Ожидание их крайне затянулось, на пару часов точно. Всё это время я провел на дне предколодца. Булат убедил меня одеть гидрокостюм «Тегур», рассчитывая на мою работу в обводненном Большом колодце. Однако с этим не сложилось. Я так и не дождался команды спускаться в него. А за время спуска в моём «Тегуре» уже накопилось много конденсата, поэтому вся одежда промокла, и я стал сильно замерзать. Наконец мне стали цеплять мешки, и я согрелся, вытягивая их, потом поднялся Булат, и мы продолжили дергать их вдвоём. Стало совсем тепло. А вскорости к нам поднялся Данила и стало совсем интересно и весело. Познакомился с ним дергая мешочки. С Татьяной я тогда практически не пообщался, так как она практически всю дорогу до поверхности цепляла мешки на наши верёвочки. Ну а мы втроем их дёргали и носили, носили и дёргали... всё медленнее и медленнее...

На отвесах везде висели лестницы, по которым я до того не ходил вообще. Пришлось учиться этому делу на ходу. В частности, выяснилось, что в независимости от длины лестницы мне каждый раз было необходимо зависнуть в 3-5 метрах от навески и слегка отдышаться перед финишным рывком. Есть такая индивидуальная особенность у моего организма. Хотя я и пытался не останавливаться — ни разу этого не получилось, ни тогда ни в последующих экспедициях.

Выемка шла крайне долго — двое суток! Еще когда мы с Булатом спускались вниз нам встретились несколько идущих наверх групп Ефремовской молодёжи. Конфликтов между нами не возникало. Смотрели они на нас вполне доброжелательно. Но чувствовалось, что каждый из них разговаривает в присутствии своих товарищей с осторожностью. Что бы не оказаться потом по их милости в категории «пособников врага». Но, один из, кажется дивногорец, увидев, как я мучительно протравливаю веревку через свою неказистую рогатку, и понимая, что в Большом колодце мне с ней будет совсем не жить, одолжил свою маленькую титановую рогатулечку. Это было здорово, ощутить такую заботу от представителя иной спелеологической вселенной.

А в общем и целом, атмосфера тогда в Снежной, благодаря усилиям Ефремова и Падалко, была весьма угнетающей. Сейчас, через 40 лет после тех событий, даже как-то не верится, что взрослые и вполне смелые люди, не боящиеся лазить в глубокие и сложные пещеры, вели себя как очень трусливые суслики перед не понятно кем.

Поскольку я-то до того имел небольшой спелеотуристский опыт исключительно в компании «диких» спелеологов из SCO, то с какой такой стати официальные спелеологи позволяют командовать собой чужим дядям, которые совсем даже не милиционеры и не инструктора Гудаутского райкома КПСС, я понять не мог.

Выходя, мы снимали за собой свою навеску, веревки и лестницы. К концу нашей работы набралось 25 транспортных мешков, то есть примерно 250 килограммов на четверых. На перекусе в Большом зале я реально отключился — заснул там на обледеневших камушках во время привала рядом со снежно-ледовым конусом. Спать хотел больше чем есть. Переход от в целом комфортного посещения относительно простых пещер Крыма и ущелья Амткел на Кавказе к 2-х суточному адскому рабочему выходу в Снежной оказался для меня чем-то средним между расстрелом и пыткой...

Собственно, всю дорогу наверх я просто медленно умирал. Я и сейчас уверен, что не так уж много времени мне оставалось — просто повезло, что мы успели выйти из Снежной до наступления моей агонии. Это конечно шутка, но, в каждой шутке есть доля шутки...

Мы выбрались из Снежной и достаточно быстро эвакуировались вниз в Дурипш. В Москву я уехал вдвоём с Данилой. Его жена Люда и дети остались отдыхать на море, а ему было пора появиться на работе.

Из той поездки я помню полное ведро очень вкусных пальчиковых помидоров и ещё много хороших португальских консервов с сардинами. Данила отъедался... и загружал меня информацией о Снежной. Кстати, я тогда ни слова не услышал о его выдающейся личной роли в обнаружении прохода из зала Надежда в зал Победы через лабиринт внутри 5-го завала «... с запасом батарей...¹». Этот Снежинский миф был рождён значительно позднее.

Болтали решительно обо всём и конечно же я не забыл попроситься в следующую ИГАНовскую экспедицию. Данила пообещал обговорить моё участие с Сашей Морозовым, который планировал лезть в Снежную уже зимой.

Однако Данила сомневался в реальности этих планов, поскольку предполагал серьёзное противодействие им со стороны Илюхина. Эти опасения во многом были основаны на его финишной беседе с Ефремовым перед спуском в Дурипш. Меня Данила попросил присутствовать на этой встрече вместо Булата Мавлюдова избегавшего общения с представителями Илюхина. Хотя он и позвал меня в качестве диктофона, я разумеется, сейчас 40 лет спустя описываемых мною событий не в состоянии вспомнить ее во всех деталях.

Но суть её была простой. Ефремов пытался объяснить Даниле, что тот выбрал не ту лошадку, поскольку Илюхин легко преодолет сопротивление Морозова и Людковского и спрятаться за ИГАНом им не удастся. Примерно так. Данила прекрасно представлял возможности Илюхина и был слегка удручен разворачивающимся противостоянием. На него произвело впечатление, что направленные в Снежную Илюхиным его эмиссары Падалко и Ефремов с легкостью игнорировали официальный статус экспедиции института географии АН СССР и даже открыто препятствовали ее работе.

Я в свою очередь был весьма удивлен такой позицией Илюхина с сотоварищами. Да, в иерархии Управления самодеятельного туризма Центрального Совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС они имели определенный вес, но прямого выхода на руководство советскими профсоюзами у них не было и быть не могло. Профсоюзы заведовали, помимо организации охраны труда, вопросами организации отдыха всех трудящихся СССР. Спелеотуристы составляли меньше четырёх тысячных процента от их общей численности. О каком влиянии Илюхина на руководителей даже ЦСТиЭ можно было говорить? Однако видимо Илюхин к тому времени сумел настолько запугать спелеологов, что они реально демонизировали его.

Приехав в Москву, я встретился с Сашей Морозовым и завертелось... Он был откровенно рад появлению новых людей в его команде. Я постарался договориться о

¹ Первая информация о данном событии была обнародована в «[ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ СНЕЖНАЯ](#)», Татьяна Немченко, NSS News, 1993. Однако, имеется легко проходимый короткий пролаз, напрямую соединяющий залы Надежды и Победы и открывающий путь к реке и 6-му завалу.

включении во вспомогательный состав зимней экспедиции своих друзей по группе «диких» спелеологов из SCO: двух членов этого общества — Аркадия Иванова и Дмитрия Тетерина, а также «вольного» спелеолога Лешу Крицкого.

Определившись с этим вопросом, я отбыл с большой SCOшной «дикой» спелеогруппой в уже до боли нам знакомый Амткел. Приключения в той поездке я постараюсь описать несколько позднее, поскольку они вполне заслуживают отдельного рассказа.

В начале сентября, вернувшись в Москву, я узнал от Саши Морозова о развернутой Илюхиным компании по их ошельмованию не только в среде спелеотуристов СССР, но и в редакциях СМИ. Все попытки Морозова-Усикова-Людковского противостоять этому давлению, обнародовав сенсационные результаты своей работы, выведшие пещеру Снежная на 3 место в списке самых глубоких пещер Мира, в центральных газетах и журналах блокировались Илюхиным и его окружением.

Все обращения Морозова к журналистам различных изданий были безуспешны, поскольку представляемые ими сведения не подтверждались. В те времена существовала практика обязательной проверки в профильных организациях представленных журналистам фактов. Поскольку речь шла о действиях спелеотуристов и об определении глубины пещеры, то редакциям было необходимо получение согласования этих данных как минимум в профильной Маршрутно-квалификационной комиссии (МКК), входящей в систему МГСТиЭ, которую контролировал В.В. Илюхин.

К сожалению, даже поддержка с самого верха руководства Академии Наук СССР не могла помочь в этом развернувшемся противостоянии. Максимум чем могла тогда поспособствовать Морозову Академия Наук — это забрать, на какое-то время, пещеру Снежная в своё ведение в качестве предмета научных исследований. Это был вероятный максимум. Но, такого рода потенциально конфликтное решение не отвечало интересам Большой русской спелеологии. Да Морозов и не хотел ввязываться в длительное противостояние с командой Илюхина.

После очередного разговора на эту тему с Сашей я вспомнил, что моя соседка, в те годы студентка МАРХИ, Татьяна что-то рассказывала о своём знакомстве с известным уже тогда журналистом [Павлом Гутионовым](#). Наши семьи дружили, к тому же мы были соседями по лестничной клетке. Я по-соседски поговорил с Татьяной и попросил её организовать нам встречу Саши Морозова с Павлом Семёновичем. Таня быстро всё устроила, и я привёл Сашу Морозова в редакцию газеты «Комсомольская правда», в которой Павел заведовал рубрикой «Алый парус».

Встретились, поговорили, всё честно рассказали и он заверил нас, что попытается «пробить» публикацию. Надо сказать, что Саша честно изложил ему политическую диспозицию и выразил сомнение, что удастся согласовать такую публикацию. Павел еще раз заверил, что всё равно постарается.

Я потом, через много лет узнал, что он, взволнованный нашими рассказами, перезвонил тогда Тане и поинтересовался, насколько всё-таки мне можно доверять? Таня ответила ему, что можно абсолютно.

Тогда Павел сходил к своему [Главреду](#) и честно сказал, что, поскольку есть конфликт между «дикими» спелеологами из ИГАН и официальными спелеологами, то последние непременно откажутся заверить сенсационные результаты достигнутые в пещере Снежной. Однако он проверил источник сведений и у него появилось уверенность в том, что информация об успехах «диких» спелеологов правдива и не опровергаема.

Редактор сказал, что тогда остаётся только запросить подтверждение в ИГАНе и после его получения — будем печатать! А «туристов» запросить мы просто забудем... Вот таким простым образом появилась первая публикация в центральной прессе СССР об успехах группы Саши Морозова в Снежной.

Этот прорыв информационной блокады путём публикации в общесоюзной газете оказался одним из решающих факторов в противостоянии «диких» московских спелеологов с «Илюхинцами», их официальными московскими коллегами.

В благодарность за столь существенную помощь рубрика Павла Гутионтова «Алый парус» была увековечена в названии самого заметного озера в Снежной.

Мне больше не пришлось пересечься с Даниилой (Даниэлем) Усиковым и Татьяной Немченко в Снежной. Так что та выемка снаряжения долгое время была для меня точкой отсчета личного максимума рабочей нагрузки в выходе. Вплоть до [экспедиции](#) Саши Морозова 1981-1982 года. В ней я [обновил](#) свой личный рекорд с большим перекрытием....

Москва, лето 2021 года.